

Отзыв официального оппонента
о диссертации Ивинского Александра Дмитриевича
«М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790 гг.»
на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.1. —
Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Прежде чем дать обзор диссертации (обзор очень беглый, поскольку никто лучше самого А. Д. Ивинского этого не сделает), нам представляется целесообразным подчеркнуть ее актуальность, и эту актуальность мы будем рассматривать в перспективе грандиозной, но неизбежной задачи — иметь корпус изданий классической русской литературы, соответствующий высоким требованиям как текстологии, так и комментаторского искусства (сразу оговоримся, что образцовым с точки зрения текстологии мы считаем неоконченное собрание сочинений Е. А. Боратынского, предпринятое по инициативе А. М. Пескова; текстологические вопросы мы затрагивать не будем). При всем множестве наших пробелов М. Н. Муравьев — одна из самых значительных фигур, которым не уделено должного внимания и которые отчаянно нуждаются в достойном издании (точнее, нуждаются не они, а нуждается в этом наша культура, если она желает существовать на здоровых основаниях). И в этом отношении и художественный талант М. Н. Муравьева, и масштаб его личности и культурного влияния — все подчеркивает, что наследие М. Н. Муравьева — приоритетное поприще приложения исследовательских усилий.

Разумеется, исследователь, избирая поприще для себя, не руководствуется только соображениями актуальности. Мы осмелимся утверждать, что выбрать для себя в качестве главной темы М. Н. Муравьева — признак превосходного вкуса, и А. Д. продемонстрировал этот вкус, который оказался безошибочным и применительно к упомянутым культурным задачам.

Обратимся к структуре монографии. Ее тело делится на пять глав с введением и заключением; из них две начальные существенно превосходят по объему другие; первая рассматривает личность М. Н. в различных аспектах и его оригинальное поэтическое творчество (кроме театра) в контексте екатерининской эпохи, вторая — переводное творчество, третья — драматургию, четвертая и пятая — роль Муравьева в формулировке идеологических нарративов Екатерины II (исторического и лингвистического). Приложения, суммарно превосходящие объем собственного текста, также очень разного объема: самый крупный раздел — письма — сопоставим с монографией как таковой в целом. Таким образом, тематический охват весьма широк; он не охватывает все, но автор вполне справедливо и не ставил перед собой такой задачи, сконцентрировавшись на обобщении собственных исследовательских достижений. Мы приветствуем такой подход, сделавший труд обозримым.

Исходя из перспективы издания (надо признаться, очень проблематичной, поскольку трудоемкость задачи ни в коем случае не стоит недооценивать), можно выделить три пласта: составление корпуса текстов, их филологический анализ и использование материала в более широком культурном контексте. Автор отмечает: «Главная проблема на этом этапе, с нашей точки зрения, не только и не столько в том, как сформировать новые интерпретационные модели и осмыслить творческое наследие писателя, сколько в пополнении фактической базы» (с. 4–5). С одной стороны, это справедливая позиция, с другой — слишком скромная: пополнением фактической базы он не ограничивается, определяя место М. Н. Муравьева в идеологическом и культурном контексте эпохи — и делает это совершенно справедливо, существенно меняя наши представления о силовых линиях тогдашней литературной жизни. На наш взгляд, это само по себе — значительное интеллектуальное достижение, вполне достойное докторской степени. Равным образом важным и плодотворным тезисом мы считаем мысль, что основой для публикации стихотворного наследия Муравьева должна послужить «Записная книга». Таким образом, автор сосредотачивается на первой и третьей частях этой виртуальной программы. Что касается бесчисленных вопросов понимания конкретных мест, здесь еще многое предстоит сделать. Автор этих строк должен признаться, что немало мест в процитированных текстах Муравьева остались ему непонятными (что иногда может быть связано с текстологическими проблемами).

Во вводной части автор представляет нам фигуру, которая будет играть весьма значительную роль, а именно — императрицу Екатерину II. Муравьев рассматривается как участник сложной литературной жизни, организованной вокруг императорского двора. Это один из двух (наряду с педагогической стороной его таланта и творчества) наилучших ключей к пониманию поэта, которого автор этих строк, когда писал популярную статью о его личности, назвал (и ныне не отрекается от этих слов) «самым образованным дворянином Российской Империи» (Самый образованный дворянин Российской Империи. — Лицейское и гимназическое образование, 2008, № 8. С. 87–91). Впрочем, А. Д. Ивинский перекидывает мостик и к другой ипостаси М. Н. Муравьева: «публикуемые здесь письма позволяют приблизиться к разгадке одной из главных, как нам представляется, загадок биографии Муравьева: как человек, не попавший „в случай“, смог стать учителем великих князей Константина и Александра Павловичей, а затем и прямо влиять на развитие просвещения и культуры в стране?» (с. 22). Раздел о семейной, светской жизни и службе главного героя содержит такие строки (с. 37): «Светский человек, член большого клана, карьерист и опытный вельможа, который умер слишком рано, так и не успев воспользоваться теми преимуществами своего положения, которого столько лет добивался. При этом он был тонким и сложным поэтом. И последнее никак не противоречило первому». К этому можно было бы прибавить — замечательный эрудит и человек с обостренной потребностью нравственного суда над собой (ср. «хорошие планы и худые исполнения — вот почти моя история», с. 68). И здесь тоже не будет никаких противоречий. Там,

где автор спорит с современными концепциями, усматривающими — с современных же позиций — противоречия во взглядах своего героя, он совершенно справедливо подчеркивает цельность его взглядов и характера (напр., с. 42), точно так же справедливо, как неоднократно подчеркивает традиционализм и классицизм Муравьева при всей его открытости эстетическому движению эпохи.

Отметим важную мысль: «ключевые идеи Муравьева: *honnête homme* и „чиновник“, „гражданин“ и „вельможа“, *savoir vivre* и античная поэзия — это составляющие *одной* роли. И Муравьев явно стремился содействовать этому процессу, став человеком, который мог своими трудами продвинуть империю по пути культурного развития» (с. 49).

Подчеркнем, что нам всегда приходилось соглашаться, когда автор вступал в полемику с коллегами. Так, напр., справедливы его взгляды о Н. М. Карамзине в споре с В. М. Живовым (с. 408).

Исследовательская тщательность диссертанта проявляется, в частности, в «деконструкции» укоренившихся мнений, не имеющих оснований (напр., о посвящении раннего перевода ректору гимназий Московского университета И. М. Шадену, с. 186).

Несколько незначительных замечаний. Чтобы быть правильно понятым, автор этих строк должен сделать биографическое признание, что почерк М. Н. Муравьева попортил ему немало крови и что чтение маргиналий (чей объем несопоставим с проделанной диссертантом работой) иногда требовало коллективных усилий и помощи не одного сотрудника Отдела редких книг и рукописей библиотеки МГУ. Потому ошибки в передаче текста — вещь совершенно неизбежная. Мы перечислим, не деля на группы, как соображения по поводу частностей, так и своеобразные «конъектуры» к текстам М. Н. Муравьева, где нам — не видевшим рукописей — на основании посторонних соображений представляется, что текст требует сверки. И, разумеется, мы не претендуем на то, чтобы дать список опечаток: иное — оппонент, иное — корректор.

В одной из пометок на французском языке в записной книжке, которая цитируется на с. 36, перечисляются Тредиаковский, Теплов и Адодуров; автор объединяет их как писателей, но, по-видимому, принцип обобщения другой — все они имели отношение к Императорской Академии наук. В этом контексте и «*sa gloire personnelle*», личная слава, которой первый не сумел добиться, означает славу совершенно не литературную.

Можно поспорить с тезисом, что «именно академия стала важнейшим инструментом конструирования элиты» (с. 59; такова исходная петербургская ситуация, впоследствии присоединяется Московский университет). На наш взгляд, Сухопутный Шляхетский кадетский корпус играл уж во всяком случае не меньшую роль, в т. ч. и в культурной области.

80. «С ним поговорю» — «С ним поговоря».

Автор упомянутой на с. 87 поэмы о Людовике Святом — *Le Jeune (La Louiseide, ou le héros chrétien. Paris: 1773. Имя указано в предисловии)*, и потому, полагаем, читать следует не «Ле Жено», а «Ле Жена».

88. «представительством» — «предстательством».

102–103. Отметим, что, если начало «Стихов для Дмитрия Ивановича Хвостова» восходит к Руссо, то их продолжение — перевод знаменитой 2-й оды Сапфо, которую переводил также и Д. И. Хвостов («Блажен, кто близ тебя и о тебе вздыхает...», Друг просвещения. 1804. Ч. 1, № 1. С. 28). Эту оду переводили многие; влиятельным посредником является Никола Буало, но Муравьев, как представляется, обращался не к нему; вопрос об источнике потребовал бы отдельного исследования. Выскажем предварительное предположение, что это перевод другого знаменитого перевода — аббата Жака Делилля: *Heureux celui qui près de toi soupire...* Выскажем предварительное предположение, что это перевод другого знаменитого перевода — аббата Жака Делилля: *Heureux celui qui près de toi soupire...* Этот перевод помещает Муравьева в сообщество Сумарокова, Державина, Жуковского и прочих, переводивших оду; популярной она стала среди переводчиков в 1800-х гг. См. об этом: Куйкина Е. С. Античные сюжеты в балладах В. А. Жуковского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 2016. С. 62 слл. с библиографией.

147. «Мать свирепую любовью» — цитата из Горация (*carm.* I, 19, 1). Французский перевод — *Cruelle mère des Amours* — мы обнаруживаем в либретто знаменитой оперы Ж.-Ф. Рамо *Hippolyte et Aricie* (acte III, scène 1), сочиненном аббатом Пеллегрином.

166. «Известны изкониво в земные все концы» — учитывая прим. 100, это можно считать контаминацией двух вариантов: «Известны изкони во все земны концы» и «Известны изкони в земные все концы».

171. Текст, приведенный на с. 275, представляется более точным.

175. Ода к И. П. Тургеневу ориентируется на херасковское стихотворение «Ода къ господину В. ***», первая строфа которой звучит так (Ежемесячные сочинения къ пользѣ и увеселенію служащія, Июль, 1755 года. Въ Санктпетербургѣ при Иператорской Академіи наукъ. С. 162 слл.):

Ты который добродѣтель
Съ непорочною хранилъ,
И страстей своихъ владѣтель
Въ безпритворной славѣ былъ...

Как видим, один стих полностью совпадает. Другим, как увидит читатель и сам, воспользовался Державин в знаменитой оде на рождение Александра.

203–204. В абзаце о Хераскове приводится ссылка на Переписку, 1882, которой ничто не соответствует в библиографии; анализ показывает, что имеется в виду издание Переписки Екатерины II и Вольтера; на 20-й с. речь идет о «Lettre sur les Panégyriques», но сам текст диссертации — «Херасков, тщательно продумывавший литературно-общественную стратегию, таким образом своевременно демонстрирует лояльность (ср. также указание на знакомство двора с текстом: Переписка 1882, 20)» скорее указывает на знакомство двора с романом «Нума Помпилий». Я бы рекомендовал уточнить формулировку; она даже не двусмысленна, а прямо уводит в сторону.

222. «Епитафия девице из Каллимаха» представляет собой перевод AP VII, 459 = Pfeiffer 37.

Взыскует суетно Самийския девицы
Их собеседницы, всех игор мастерицы,
Крифиды. Глас ея был сладок; тягость сна,
Которым все заснут, сомкнула ей уста
Κρηθίδα τὴν πολύμυθον, ἐπισταμένην καλὰ παίζειν,
δίζηνται Σαμίων πολλάκι θυγατέρες,
ἡδίστην συνέριθον, ἀείλαλον: ἡ δ' ἀποβρίζει
ἐνθάδε τὸν πάσαις ὕπνον ὀφειλόμενον.

Кретида с множеством историй, умеющую играть хорошие игры (это дословный перевод; таково же и понимание М. Н. Муравьева. Гуго Гротий понимает как *pulchre jocari* — шутить хорошие шутки. *Epigrammatum Anthologia Palatina: cum Planudeis et appendice nova... metrica versione Hugonis Grotii... instruxit Fred. Dübner. V. I. Parisiis: Firmin Didot, 1864. P. 361*), / *ищут часто дочери самосцев* / — *милейшую товарку в трудах, вечную болтунью; она же отсыпается / сном, который здесь надлежит всем* (последнее слово — женского рода). Перевод «взыскует» делает «самийския девицы» родительным падежом, при отсутствии подлежащего; очевидно, это именительный, и правильное чтение — «взыскают». Рифма «сна» и «уста» настолько нетипична для Муравьева, что я предложил бы конъектуру «уствна».

225. «Пищалась горлица» — «Лишалась».

«Вздымали» — «Вздымала».

«украшением» — «украшеньем».

233. «употребляется им» — «уподобляется им».

234. «отмстить» — «отмстит».

249. «безумием» — «безумьем»? «безумством»?

«успокоился» выбивается из метра. Было бы логично предположить «спокоился».

250. «Дрозды» — «Дориды».

«возвращенной» — «возращенной».

267. «боне» — «болѣе».

288. Вестфальская дева — весталка, конечно.

292. Прямого упоминания Вергилия нет, но цитата из него — «И должен в оном быть лес Консула достоин», ecl. IV, 3 (*si canimus silvas, silvae sint consule dignae, если мы поем леса, да будут леса достойны консула*).

294. «дщери мое» — «дщери моя».

296. «разменам» — «раменам».

298. «подвергнусь гневом» — «подвергнусь гневу».

315. В сонете, по-видимому, пропущен стих во втором катрене.

316. Исходя из рифмы «опочил» — «разточил», а не «разточал».

331. «дума» — «душа».

335. Первый стих перевода из Ж.-Б. Руссо непонятен: «Он мужем был навет разрушен лести злой». Полагаю, учитывая пассив в оригинале, что правильное чтение — «От мужа».

339. Сноска [2, с. 20] вместо [Кулакова 1976, с. 20]. Соответствующая статья — «Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева», в 11-м сборнике «XVIII век» (Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: 1976) — не была нами обнаружена в списке использованной литературы.

352. «кипяща» — «кипяще». «Былыя» — «Бѣлыя».

365–366. Название романа «The Vicar of Wakefield» передается тремя разными способами (если убрать очевидную опечатку, то двумя). Действительно ли это так?

373. «Князья» — «Князь».

Присутствуют ошибки в передаче французского текста, напр., на с. 65: *aimût* вместо *aimât*, *confiderat* вместо *considérât*. (Наши исправления основываются на правилах французской грамматики, а не на знакомстве с рукописным оригиналом. Разумеется, М. Н. Муравьев пользовался правами дворянской вольности и в отношении грамматики, что во Франции было в эпоху *Ancien Régime* характерно для аристократии; но не все здесь может быть объяснено этим обстоятельством (уж во всяком случае не путаница *f* и *s*.)

Позволим себе небольшое отступление о языках. В Академической гимназии при Императорском Московском университете, где учился М. Н., преподавались два древних, французский, немецкий и итальянский языки. Изначально, в 1757 г., предполагалось и преподавание английского, но, по-видимому, дело не пошло. Потому полагаем, что все перечисленные языки М. Н. Муравьев из гимназии вынес, и если он впоследствии и пишет о себе нечто в духе «еллинских борзостей не текох», это можно воспринимать как кокетство. Английскому ему пришлось, по-видимому, действительно учиться самостоятельно, по крайней мере вне публичных образовательных институций. Из сопоставления самохарактеристики «чтец Дон Кишота по Ишпански» (с. 33) и наличия в библиотеке книги по орфографии кастильского языка (*Ortografia de la lengua castellana...* Madrid, 1779. 6 изд. Шифр Мур. 9С1 7) можно заключить, что он по крайней мере планировал изучение этого языка, с подтверждением того факта, что именно ключ к классическим литературам был в его случае главным стимулом; но результат не подкреплён наличием в библиотеке иных испанских книг. Разумеется, отсутствие любой конкретной книги не говорит ничего; она могла просто исчезнуть. Но если бы у него было определенное количество испанских книг, что-то из них сохранилось бы. (Отметим в скобках, что интерес к испанскому языку был до революции совершенно нетипичен для русской интеллектуальной элиты, и с Испанией знакомились по французским, реже по немецким книгам; в Отделе редких книг и рукописей библиотеки МГУ старая испанская книга с русским дореволюционным провенансом — редкое исключение.)

Указанные недостатки ни в коей мере не умаляют значения работы. Диссертация Ивинского Александра Дмитриевича «М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790 гг.» выполнена в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Ивинский Александр Дмитриевич,

заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:
доктор филологических наук,
профессор Центра академического образования АНО ВО «РУМТ»
Любжин Алексей Игоревич

22 июля 2026 г.

Адрес места работы:
424033, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Эшкинина, д. 8 б
Тел.: +7 (8362) 60 00 10; e-mail: institute@ispring.ru

Подпись сотрудника Центра академического образования
АНО ВО «РУМТ» удостоверяю:

Ведущий специалист по кадрам

 А.Е. Свечникова

СВЕДЕНИЯ ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ОППОНЕНТЕ

по диссертации Ивинского Александра Дмитриевича
«М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760–1790 гг.»
на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская
литература и литературы народов Российской Федерации

Любжин Алексей Игоревич	
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	Доктор филологических наук по специальности 10.10.01 — Русская литература
Ученое звание	—
Место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русский университет метатехнологий»
Наименование структурного подразделения	Центр академического образования
Должность	профессор
Почтовый адрес	424033, Республика Марий Эл г. Йошкар-Ола, ул. Эшкинина, д. 8Б
Официальный сайт	https://ispring.institute
Контактный телефон	+7 (8362) 60-00-10
E-mail	vultur@mail.ru
Дополнительные сведения	
Список основных публикаций за последние 5 лет по теме диссертации соискателя:	
1. Любжин А. И. Цикута и Тарпейская скала (Заметка к античным реминисценциям в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Indo-European Linguistics and Classical Philology- XXVI. Proceedings of the 26th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. 27–29 июня 2022 г. — June 27–29, 2022. Второй полутом. СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2022. С. 789–793. 2. Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель «Георгик» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Indo-European Linguistics and Classical Philology-XXVII. Proceedings of the 26th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. 27–29 июня 2023 г. — June 26–28, 2023. Первый полутом. СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2023. С. 47–71. 3. Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель «Энеиды» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVIII (1). Indo-European Linguistics and Classical Philology- XXVIII (1). СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2024. С. 92–114. 4. Любжин А. И. Реминисценции античной литературы в повестях М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVIII (1). Indo-European Linguistics and Classical Philology- XXVIII (1). СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2024. С. 1042–1055. 5. Любжин А. И. «Россияда» М. М. Хераскова и поэма Ж. Шаплена «La Pucelle ou la France Délivrée». — Русская литература. № 3. 2024 202–211. DoI: 10.31860/0131-6095-2024-3-202-211. 6. Ленчиненко М. В., Любжин А. И. Под сенью крыл мантуанского лебедя: М.Н. Муравьев — читатель Вергилия // Екатерина II и русская литература. Отв. ред. А.Д. Ивинский. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. 2024. С. 151–171.	

7. Любжин А. И. «Царь Петр» Антуана-Леонара Тома: замысел и европейский контекст // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 2. 2025. С. 110–128.
8. Любжин А. И. К вопросу об эстетических взглядах М. М. Хераскова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. No 1. С. 110–120.

Подпись

Печать

Подпись Любжина А. И. заверяю.

Директор административного отдела БРФ

Херасова М. М. 19.05.2026г.

